

Пускай поэта обвиняетъ
Насмѣшливый, безумный свѣтъ...
Никто ему не помѣшаетъ,
Онъ не услышитъ мой отвѣтъ.
Я самъ собою жилъ донынѣ:
Свободно мчится пѣснь моя,
Какъ птица дикая въ пустынь,
Какъ вдаль по озеру ладья.
И что за дѣло мнѣ до свѣта,
Когда сидишь ты предо мной,
Когда рука моя согрѣта
Твоей волшебною рукой;
Когда съ тобой, о дѣва рая,
Я провожу небесный часъ,
Не беспокоясь, не страдая,
Не отворачивая глазъ.

С л а в а .

Къ чему ищу тагъ славы я?
Извѣстно, въ славѣ нѣтъ блаженства,
Но хочеть все душа моя
Во всемъ дойти до совершенства
Пронзая будущаго мракъ,
Она, безсильная, страдаетъ
И въ настоящемъ все не тагъ,
Какъ бы хотѣлось ей, встрѣчаетъ
Я не страшился бы суда,
Когда бъ увѣренъ былъ вѣками,
Что вдохновеннаго труда
Миръ не обидитъ клеветами;
Что стануть вѣрить и внимать
Повѣствованью горькой муки
И не осмѣлятся равнять
Съ земнымъ небесъ живые звуки.
Но не достигну я ни въ чемъ
Того, что такъ меня тревожитъ.
Все кратко на шару земномъ,
И вѣчно слава жить не можетъ.
Пускай поэта грустный прахъ
Хвалою освѣтитъ потомство;
Гдѣ жъ слава—въ краткихъ похвалахъ?
Людей извѣстно вѣроломство.
Другой заставить позабыть
Своею пѣснью высокую
Пѣвца, который кончилъ жить.
Который жилъ такъ одиноко.

В е ч е р ь .

Когда садится алый день
За синій край земли,
Когда туманъ встаетъ, и тѣнь
Скрываетъ все вдали,
Тогда я мыслю въ тишинѣ
Про вѣчность и любовь,
И чей то голосъ шепчетъ мнѣ
Не будешь счастливъ вновь!
И я гляжу на небеса
Съ покорною душой:

Они свершали чудеса,
но не для насъ съ тобой,
А для ничтожнаго тлуца,
Которому твой взглядъ
Дороже будетъ до конца
Небесныхъ всѣхъ награда

Унылый колокола звонъ
Въ вечерній часъ мой слухъ невольно по-
Обманутой душѣ моей напоминаетъ трясаетъ,
И вѣчность, и надежду онъ.
И если вѣтеръ, путникъ одинокій,
Вдругъ по травѣ кладбища пробѣжитъ,
Онъ сердца моего не холодитъ,
Что въ немъ живеть, то въ немъ глубоко.
Я чувствую, судьба не умертвить
Во мнѣ возросшій дѣятельный геній,
Но что его на свѣтъ сохранить
Отъ хитрой клеветы, отъ скучныхъ насла-
Отъ истощительныхъ страстей, [жденій,
Отъ языка ласкателей развратныхъ
И отъ желаній, непонятныхъ
Умамъ посредственныхъ людей...
Безъ пищи долженъ яркій пламень
Погаснуть на скалѣ сырой.
Холодный слушатель есть камень.
Попробуй разъ, попробуй и открой
Ему источники сердечнаго блаженства—
Онъ станетъ толковать, что должно ощутить.
Въ простомъ не видя совершенства,
Онъ не привыкъ прекрасное цѣнить,
Какъ тотъ, кто въ грудь вѣснить желалъ
бы всю природу,
Кто силится кунить страданіемъ своимъ
И гордою побѣдой надъ земнымъ
Божественной души безбрежную свободу

Хоть давно измѣнила мнѣ радость,
Какъ любовь, какъ улыбка людей,
И померкнуло, прежде чѣмъ младость,
Свѣтило надежды моей,
И судьбу я и миръ презираю;
Но нельзя имъ унижить меня,
И я хладно прихоть ожидаю
Кончины или лучшаго дня.
Словамъ моимъ вѣрить не стануть,
Но клянуся въ неживости ихъ!
Кто самъ былъ такъ часто обмануть,
Обмануть не захочетъ другихъ.
Пусть жизнь моя въ буряхъ несется,
Я безпеченъ, я знаю давно:
Пока сердце въ груди моей бьется,
Не увидитъ блаженство оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоитъ того, можетъ быть,
Чья душа слишкомъ пылко любила,
Чтобы могъ его миръ полюбить.